

Магомедхан Магомедханов

«Вавилонское столпотворение» (этноязыковые процессы в Дагестане)

Г. Левис в своей книге “Multilingualism in the Soviet Union” представил Северный Кавказ как современную Вавилонскую башню (modern Tower of Babel) [Lewis 1972: 20]. Если попытаться представить себе месторасположение центра этой башни, то вероятнее всего оно окажется в Дагестане.

Не раз повторено, что Дагестан — это «Страна гор и Гора языков», «лаборатория межнациональных отношений» в СССР, России. Но в чем же выражается своеобразие языковой жизни Дагестана? В каком направлении эволюционируют здесь этноязыковые процессы и как они отражаются на культурной идентичности и самосознании дагестанцев?

В настоящей статье на основе литературных источников, полевых материалов и наблюдений автора предпринята попытка представить читателю панорамный обзор динамики этноязыковой ситуации в Дагестане за истекшие два века.

Магомедхан Магомедович
Магомедханов

Дагестанский научный центр
РАН, Махачкала
mkhan@yandex.ru

Вводные замечания

В современном мире живое общение все более компенсируется опосредованными контактами. Быстрота и трансконтинентальные

масштабы освоения новейших технологий передачи информации поражают воображение. Нынешняя скоротечная во всех смыслах этого слова жизнь предъявляет новые требования и к поведенческой культуре. Дефицит времени на выполнение внеслужебных (личных и общественных) обязанностей, общение в семье, воспитание детей, уход за родителями и т.д. неминуемо превращаются в серьезную социально-психологическую и нравственную проблему.

Эпистолярный жанр воспринимается сегодня как некая анахроническая форма общения. Меняется и устная речь. Горожане взамен традиционных и обстоятельных приветствий-распросов все чаще используют лаконичное: «Как?» — «Нормально!». Редукция эмоционального, личностного контекста общения становится неизбежной платой за минимизацию формы и максимизацию емкости транслируемой информации. Учреждения и организации предпочитают принимать к рассмотрению деловые бумаги, заявки, отчеты, запросы, составленные строго по форме. Со стандартизированной информацией проще работать, легче сопоставлять, анализировать.

Модернизация охватила многие стороны материальной и духовной жизни. Коснулась она и обыденной речи, прежде всего лексики и фразеологии.

Ораторство, хотя оно и остается качеством, необходимым в периоды политической активности масс, все явственнее утрачивает былую демагогическую функциональность. Пафос страстных выступлений «трибунов революции», партийных и советских работников — это уже история, запечатленная на документальных кинолентах и в памяти старшего поколения. На слушание длинных и пламенных речей, подобных тем, что произносились Л. Троцким в Петрограде или С. Габиевым в Порт-Петровске, сегодня у людей нет ни времени, ни желания. Даже в сельской местности собрания обычно начинаются с вопроса «Как долго оно протянется?» и с установления регламента для выступлений и прений.

Умению правильно изъясняться, вести диалог, беседу в пределах правил традиционного этикета если и придается значение, то отнюдь не теми, кто испытывает дефицит этих качеств. О полноценном владении родной речью, знании фольклора, народной мудрости, пословиц, поговорок приходится говорить, к сожалению, в прошедшем времени.

Сегодня едва ли не половина шестимиллиардного населения планеты находится в состоянии двуязычия, а темпы исчезновения коммуникативно-депрессивных языков измеряются не столетиями и даже не жизнями четырех-пяти поколений, как в

давние времена, а лишь десятилетиями. Ученые предсказывают, что через каких-нибудь полвека половина из ныне существующих примерно 6500 языков исчезнет. Означает ли это, что носители тех языков, которым эксперты предрекают функциональную гибель в обозримом будущем, должны спокойно воспринимать пророчества о вымирании языков как некую фатальность, как не зависящее от воли людей явление природы?

Как в контексте этих процессов методология науки предлагает рассматривать, например, изменения словарного фонда, если заимствованная лексика в том или ином языке составляет более трети его активной части, а обогащение языка происходит за счет вытеснения его исконного словарного запаса? На каких основаниях, по каким признакам теория языкознания дифференцирует обогащение языка от его смешения и смещения? Каковы критерии определения взаимообогащения языков в тех случаях, когда языки-доноры (английский, русский, французский, испанский и др.) служат основным источником пополнения словарей языков-реципиентов, не испытывая при этом существенной отдачи? Вопросы эти наводят на мысль о необходимости переосмысления устоявшейся с советских времен концепции взаимообогащения культур и языков.

Но сколь бы универсальны ни были теоретические модели эволюции языковой жизни, как бы исчерпывающе ни формулировались в них всеобщие закономерности и тенденции этнокультурного развития, задача накопления конкретных знаний о реалиях языковой жизни того или иного региона остается актуальной.

Языки Дагестана

Дагестанские языки составляют северо-восточную ветвь кавказской (яфетической, иберийско-кавказской) языковой семьи и делятся на три группы: аваро-андо-цезскую, лакско-даргинскую и лезгинскую.

Из языков индоевропейской языковой семьи на лингвистической карте Дагестана представлены русский и горско-еврейский (татский) языки, а из языков тюркской группы алтайской языковой семьи — азербайджанский (огузская подгруппа), кумыкский и ногайский языки (кыпчакская подгруппа).

Пределы бытования языков народов Дагестана замыкаются, главным образом, в современных административных границах Дагестана. Исключение составляют лезгинский, аварский, цахурский, рутульский, горско-еврейский (татский) языки, ареал традиционного распространения которых охватывает Дагестан и Азербайджан, а также будухский, хиналугский и крызский

языки, представленные на языковой карте Азербайджана. Носители вымирающего удинского языка проживают в Азербайджане и Грузии. Есть и другие исключения (багулалы в Чечне, ногайцы в Чечне и Карачаево-Черкесии, кумыки в Осетии, бежтинцы и гунзибцы в Грузии и т.д.).

Чеченский, ингушский и бацбийский языки составляют нахскую группу нахско-дагестанских языков. В Дагестане чеченский язык представлен носителями аккинского (ауховского) и «плоскостного» диалектов.

Таблица 1

Языки Дагестана, численность носителей и ареалы бытования¹

Языки	Численность (тыс. чел.) и доля (%) городского населения в пределах РД	Ареалы бытования
Аварский	758,4 (35,0 %)	<p>Бассейны рек Аварское Койсу, Андийское Койсу и Кара-Койсу. Восточная граница — от Главного Кавказского хребта (горы Гутон) по хребту Шалиб — восточному склону Кызылярского хребта до предгорья (Верхний Джентугтай); западная граница — от горы Диклосмта Главного Кавказского хребта по Снеговому хребту — Андийскому хребту — западному склону хребта Салатау — р. Акташ до равнины (Гельбах — Верхний Чирюрт).</p> <p>С. Кусур Рутульского р-на.</p> <p>До 100 тыс. чел. в Кизлярском, Бабаюртовском, Хасавюртовском, Кизилюртовском р-нах.</p> <p>За пределами РД: в РФ — 56,0 тыс.; Азербайджане и Грузии — около 45,0 тыс. и 3,0 тыс. чел. соответственно. Диаспоры: в Турции (более 50 тыс. чел.); Сирии, Иордании, Ираке (до 10 тыс. чел.).</p>

¹ Таблица составлена по материалам: [Национальный состав 2004: 7–18; Народы Дагестана 2002] и полевым материалам автора.

Продолжение таблицы 1

Языки Дагестана, численность носителей и ареалы бытования

Языки	Численность (тыс. чел.) и доля (%) городского населения в пределах РД	Ареалы бытования
Агульский	23,3 (40,8 %)	Верховья рек Гюльгеричай, Чарахчай, Кушаналу и Курах. Агульский, Курахский, Дербентский, Каякентский, Лакский р-ны. За пределами РД (в РФ) — 5,0 тыс. чел.
Азербайджанский	111,7 (45,9 %)	Г. Дербент, Дербентский и Табасаранский р-ны. С. Нижний Катрух Рутульского, Болшебредихинский и Персидский Кизлярского р-нов.
Андийский	± 40,0 ¹	Левобережье среднего течения р. Андийского Койсу, отроги Андийского хребта. С. Анди, Гунха, Гагатль, Риквани, Ашали, Зило, Чанко, Муни, Кванхидатль Ботлихского р-на; г. Хасавюрт, Хасавюртовский, Бабаюртовский, Кизилюртовский р-ны.
Арчинский	± 1,5 (± 30,0 %)	Верховья правого притока р. Кара-Койсу, (подножье гор Гутон и Дюльтыдаг Главного Кавказского Хребта). С. Арчиб, Хитаб, Кашила, Кесер, Хилих, Алчуниб, Кубатль Чародинского р-на.
Ахвахский	± 8,0 (± 35%)	Северные и восточные склоны Богосского хребта (между притоками рек Андийское Койсу и Аварское Койсу). С. Кванкоро, Цвакилколо, Тад-Магитль, Лологонитль, Кудияб-Росо, Изано Ахвахского и Цекоб, Тлянуб, Ратлуб Шамильского р-нов. За пределами РФ: с. Ахвах-Дере Зака-тальского р-на Азербайджана.
Багулальский	± 5,0 (± 30,0 %)	Правобережье р. Андийское Койсу (северный склон Богосского хребта). С. Хуштада, Тлондода, Кванана, Ги-мерсо Цумадинского и Тбилишо, Тлисси Ахвахского р-нов. Хасавюртовский, Кизилюртовский (с. Чало), Кизлярский р-ны.

¹ (±) — оценочные данные.

Продолжение таблицы 1

Языки Дагестана, численность носителей и ареалы бытования

Языки	Численность (тыс. чел.) и доля (%) городского населения в пределах РД	Ареалы бытования
Бежтинский	± 7,0 (± 30,0 %)	Верховье левого притока р. Аварское Койсу (подножье северо-западного отрога Богосского и северо-восточного отрога Мичитлинского хребтов). С. Бежта, Хошархота, Тлядал Цунтинского, Стальское Кизилюртовского р-нов. За пределами РФ: с. Чантлискавари и Сарусо Кварельского р-на Грузии.
Ботлихский	± 6,0 (± 30,0 %)	Ботлихская котловина (левобережье среднего течения р. Андийское Койсу). С. Ботлих и Миарсо Ботлихского р-на.
Гинухский	± 0,6 (± 20,0 %)	Северо-западный отрог Мичитлинского хребта. С. Гинух Цунтинского, Монастырское Кизлярского и Стальское Кизилюртовского р-нов.
Годоберинский	± 4,0 (± 30,0 %)	Левобережье среднего течения р. Андийское Койсу. С. Верхнее Годобери, Нижнее Годобери, Зибирхали Ботлихского, Красный Восход Кизлярского и Теречное Хасавюртовского р-нов.
Гунзибский	± 3,0 (± 25,0 %)	Верховье левого притока р. Аварское Койсу (северо-восточный склон Мичитлинского хребта). С. Гунзиб, Нахда, Гарбутль, Родор, Тодор Цунтинского р-на. За пределами РФ: с. Тхилис-Цкаро Кварельского р-на Грузии.

Продолжение таблицы 1

Языки Дагестана, численность носителей и ареалы бытования

Языки	Численность (тыс. чел.) и доля (%) городского населения в пределах РД	Ареалы бытования
Горско-еврейский (татский)	± 2,0 ¹ (90,1 %)	Города Дербент, Махачкала, Буйнакск, Хасавюрт, Каспийск, Кизляр, с. Нюгди Дербентского р-на. За пределами РД: в РФ — около 10,0 тыс. чел. (в т.ч. в Москве и Санкт-Петербурге — до 5,0 тыс.; Пятигорске, Кисловодске, Ессентуках, Минеральных Водах — около 4,0 тыс.; Нальчике — более 1,0 тыс. чел. В Азербайджане — около 6,0 тыс. и в Израиле — менее 70,0 тыс. чел.
Даргинский	425,5 (34,9 %)	Центральная часть Предгорного и Нагорного Дагестана. Акушинский, Левашинский, Кайтагский, Сергокалинский, Дахадаевский р-ны; с. Чирах, Амух, Шари Агульского, Мегеб Гунибского, Кадар, Карамахи, Чабанмахи, Чанкурби Буйнакского, Губден, Гурбуки, Джанга, Ленинкент Карабудахкентского, Первомайское, Герга, Нижнее Викри, Нижний Дейбук, Краснопартизанский Каякентского, Нижний Костек, Сулевкент, Хасавюртовского р-нов; Кизлярский, Ногайский, Бабаюртовский, Дербентский р-ны. За пределами РД — до 90 тыс. чел. (Ставропольский край (около 30 тыс. чел.), Калмыкия, Москва, Санкт-Петербург и др.).

¹ Данные переписи 2002 г. о численности горских евреев в РФ (3394 чел.) малодостоверны по причине неопределенностей, связанных с этническими номинациями (горские евреи, таты, евреи, дагестанские евреи и т.д.). Существуют различные оценки как общей численности горских евреев (от 200 до 70 тыс. чел.), так и их численности в Дагестане (от 2-х до 1 тыс. чел.) и других регионах России (от 2,3 тыс. до 10 тыс. чел.) (консультация И.Г. Семенова).

Продолжение таблицы 1

Языки Дагестана, численность носителей и ареалы бытования

Языки	Численность (тыс. чел.) и доля (%) городского населения в пределах РД	Ареалы бытования
Каратинский	± 8,0 (± 35,0 %)	Отроги северо-западной оконечности Богосского хребта. С. Карата, Анчих, Арчо, Цумали, Рачабулда, Маштада, Верхний Инхело, Рацитль Ахвахского, Нижний Инхело Ботлихского, Сиух, Кирпич-Кутан, Тукита, Камыш-Кутан Хасавюртовского, Казииорт Бабаюртовского р-нов.
Кумыкский	365,8 (47,1%)	Кумыкская равнина и прилегающие к ней предгорья от р. Терек на севере до рек Башлычай и Улучай на юге. За пределами РД — около 60 тыс. чел. (Гудермесский и Грозненский р-ны Чеченской Республики, Моздокский р-н Республики Северная Осетия-Алания (12,6 тыс. чел.), Ставропольский край и Тюменская область (до 3 тыс. человек). Диаспоры в бывших республиках СССР, Турции и других странах.
Лакский	139,7 (69,6 %)	Центральная часть Нагорного Дагестана. Лакский, Кулинский, Новолакский и Кумторкалинский р-ны; с. Балхар, Кхоли, Цуликана, Улучара Акушинского, Аракул и Верхний Катрух Рутульского, Шадни Дахадаевского, Шалиб Чародинского р-нов. За пределами РД (в РФ) — более 16 тыс. чел. Диаспоры в Узбекистане, Туркмении, Турции.
Лезгинский	336,7 (41,3 %)	Южный Дагестан (Ахтынский, Докузпаринский, Курахский, Сулейман-Стальский, Магарамкентский, Дербентский р-ны, с. Новый Куруш Хасавюртовского, Дружба Каякентского р-нов.

Продолжение таблицы 1

Языки Дагестана, численность носителей и ареалы бытования

Языки	Численность (тыс. чел.) и доля (%) городского населения в пределах РД	Ареалы бытования
		За пределами РД (в РФ) — до 100 тыс. чел. В Азербайджане, по официальной статистике, до 200 тыс., по другим версиям — более 1 млн чел. Диаспоры в Туркменистане, Казахстане, Узбекистане, Белоруссии, Турции.
Ногайский	33,5 (16,5 %)	Юго-Восточная часть Ногайской степи. Ногайский и Бабаюртовский р-ны. За пределами РД — 57,5 тыс. чел. Ставропольский край, Карачаево-Черкессия, Астраханская область, Чеченская Республика) — (63,2 % от их общей численности в РФ). Зарубежные диаспоры в Турции, Румынии и других странах.
Русский	120,9 (80,3 %)	Кизлярский и Тарумовский районы, все города и районы РД.
Рутульский	24,3 (34,6 %)	Верховья р. Самур, Кара-Самур, Ахтычай (юго-западная часть Южного Дагестана). Рутульский, Ахтынский (с. Борч и Хнов) р-ны. За пределами РД: в РФ — 5,6 тыс. чел. В Азербайджане — около 2,0 тыс. чел.
Табасаранский	110,2 (39,7 %)	Северо-восточная часть Южного Дагестана. Табасаранский, Хивский р-ны, с. Белиджи, Ньюди, Джалган, Араблинка, Салик, Чираг, Мамедкала, Геджух Дербентского р-на. За пределами РД: в РФ 21,6 тыс. чел.
Тиндинский	± 8,0 (± 35,0 %)	Северо-западные отроги Богосского хребта. С. Тинди, Акнада, Ангида, Тисси, Тисси-Ахитли, Эчеда Цумадинского, Акнада и Ангида Кизилюртовского р-нов.

Продолжение таблицы 1

Языки Дагестана, численность носителей и ареалы бытования

Языки	Численность (тыс. чел.) и доля (%) городского населения в пределах РД	Ареалы бытования
Хваршинский	± 3,0 (± 30,0 %)	Северо-западные склоны Богосского хребта, низовья правого берега верхнего течения р. Андийское Койсу. С. Хварши, Хонох, Хвайни, Верхнее Инхоквари, Нижнее и Верхнее Инхоквари, Квантлада, Сантлада Цумадинского, Первомайское, Муцал-аул, Дружба, Октябрьское Хасавюртовского, Комсомольское Кизлярского р-нов.
Чамалальский	± 12,0 (± 35,0 %)	Левобережье р. Андийское Койсу, Южный скат Андийского хребта. Цумадинский, Бабаюртовский (с. Аркагесген, Забо, Кумулин, Шава, Терек, Эсси, Шугури), Кизлярский, Хасавюртовский р-ны. За пределами РД: с. Кенхи, Хилиди, Агабехи, Школхе и др. Шатоевского р-на Чеченской республики (около 2 тыс. чел.).
Чеченский	87,9 (45,0 %)	Предгорья Северо-Западного Дагестана (долины среднего течения рек Аксай, Ямансу, Ярыксу, Акташ). Г. Хасавюрт, Хасавюртовский, Новолакский, Бабаюртовский р-ны).
Цахурский	8,2 (29,3 %)	Верховья р. Самур, южные склоны Главного Кавказского хребта. С. Цахур, Мишлеш, Гельмец и др., Рутульского р-на; Закаतालский, Кахский и Белоканский р-ны Азербайджана. За пределами РД: в РФ — более 2 тыс. чел. В Азербайджане 13,6 тыс. чел.

Особенности этноязыковых процессов в Южном Дагестане

Южный Дагестан по сложности этнической структуры, представленной рутулами, цахурами, агулами, лезгинами, табасаранцами, горскими евреями, азербайджанцами, терекемейцами и отчасти кумыками и даргинцами, вполне сопоставим с Западным Дагестаном, где сосредоточена половина всей этнической номенклатуры Дагестана. Но даже на фоне мозаичной конфигурации этноязыковой карты Дагестана город Дербент с примыкающими к нему территориями на протяжении многих веков остается зоной в высшей степени интенсивных этнокультурных контактов и, как мы увидим далее, оказывает большое влияние на развитие этноязыковых процессов во всем Южном Дагестане.

Как известно из истории, шах Хосров I Ануширван (531–579) построил в Дербенте уникальные по своей архитектуре оборонительные сооружения, закрывавшие узкий дербентский проход от вторжений воинственных кочевников с севера, и поселил там стражников из разных областей Ирана [Кудрявцев 1982; Гаджиев 2000].

Письменные источники VIII–XII вв. среди жителей Дербента и его окрестностей упоминают армян, хазар, табасаранцев, а также арабов, которые населяли близлежащие к Дербенту поселения Арабляр, Гимейди, Дарваг, Ерсид, Кемах и только к концу XIX в. ассимилировались с азербайджанцами и табасаранцами [Артамонов 1962; Минорский 1963; Шихсаидов 1975; Гадло 1979].

С VIII в. н.э. Дербент находился в тесных политических, экономических и культурных связях с Ширваном, и формирование этнического состава этих провинций Дагестана и Азербайджана происходило, по существу, в едином русле [Буниятов 1965].

Вероятно, уже с середины XI в. наибольшее распространение здесь получил язык тюркского корня, так как с этого времени начинается господство тюрков-сельджуков, сыгравших определяющую роль в формировании азербайджанского этноса.

Можно предположить, что в период монголо-татарской экспансии (XIII–XIV вв.) и до начала XVI в. этнический состав Дербента и близлежащих районов не подвергался значительным изменениям. В начале XVI в. город попадает под власть Сефевидов, а в конце XVI в. его захватывают турки-османы. В начале XVII в. Дербент вновь попадает в руки Сефевидов, а со второй половины того же столетия и до начала XVIII в. им правят персидские наместники.

Сефевиды вели активную переселенческую политику. Сотни семей (в основном тюркоязычных) из Тебриза и других северных провинций Персии обрели в Дербенте новое место жительства [Козубский 1906; Бакиханов 1926]. В тот же период Русское государство начало реализовывать свои политические и экономические интересы в Прикаспийской области. В Дербент стали прибывать русские посольства и купцы [Гаджиев 1965].

XVI–XVIII вв. отмечены новой волной миграции выходцев из Южного Азербайджана в Дербент и его окрестности. Так, в 1509 г. «в город было переселено 500 семейств <...> из Тавриза», а позднее, в начале XVII в., шах Аббас I (1587–1629) «переселил в Дербент 400 семейств баятского племени» [Козубский 1906: 192].

По сообщению И.Г. Гербера (XVIII в.), среди жителей Дербента было «много купецких людей из персиянов, армянов, грузинцев и индийцев» [Гербер 1958: 86]. Под «персиянами» здесь имеется в виду тюркоязычное население города. Как отмечал Е.И. Козубский, потомки племен карамаглы, курти, боят, микри, сурсур, «говорящие на азербайджанском языке, но исповедующие шиитское учение, составляют главную массу населения Дербента; их часто неправильно называют персиянами <...>, влияние которых, вследствие долгого господства Персии в этих странах, сказывается на многих сторонах народной жизни» [Козубский 1906: 192].

После того как в августе 1722 г. Петр I без боя взял Дербент, им был оставлен в городе русский гарнизон. По его же поощрению для активизации торговли в городе поселялись армяне. С окончательным присоединением Дербента к России (1806) русское воинское и гражданское население обитало в цитадели города Нарын-Кала и в новых магалах (кварталах) в приморской части — Дубарах. Центральные кварталы города занимали горские евреи и армяне. В остальных девяти магалах жили азербайджанцы. Окраины города занимали таты-мусульмане и отдельные табасаранские семьи.

По Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., численность азербайджанцев в Дагестанской области составила 32,1 тыс. чел. Всесоюзная перепись населения 1926 г. фиксирует уменьшение численности азербайджанцев в ДАССР до 23,4 тыс. чел. В последующие годы численность азербайджанцев в Дагестане постоянно растет. За период между переписями 1926 и 2002 гг. численность азербайджанцев в Дагестане возросла почти в пять раз и составила 111,7 тыс. чел.

Дагестанские азербайджанцы, живя на протяжении веков вне Азербайджана, не только сохранили свою этноязыковую иден-

тичность, но и ассимилировали значительную часть соседствовавших с ними мусульман нетюркского происхождения (арабов, татов-мусульман, табасаранцев).

Относительная компактность расселения азербайджанцев в Дербенте и окрестных селах, наличие торгово-экономических, культурных и родственных связей с Азербайджаном, исторически сложившаяся ориентация народов Южного Дагестана на культурно-поведенческий стереотип населения Баку и других городских центров Азербайджана — все это обусловило широкое бытование в данном регионе азербайджанского языка. Среди факторов культурной интеграции народов Южного Дагестана с азербайджанцами следует отметить немало важное значение азербайджанской музыкально-песенной культуры, впитавшей в себя богатейшие традиции Персии и Турции.

По свидетельству И. Черного, «евреи совершенно отатарились, приняли мусульманский характер и многое из обычаев, нравов и образа жизни мусульман; но язык их остался тот же самый, фарсидско-татский <...>, читают молитвы или библию с татско-фарсидским переводом и с татарским напевом» [Черный 1870: 14].

Горские евреи в Дагестане не имели компактной территории расселения. Было лишь одно собственно горско-еврейское селение — Нюгди, расположенное южнее Дербента. Большинство же горских евреев жили в селениях Ашага-Араг (Джугут-Араг), Джугут-Ката, Мамраш (Мамрач), Хаджал-кала, Джараг, Нютиг, Аглаби, Хош-мензил, Янгиюрт (Нюгди), основное население которых составляли лезгины, табасаранцы, таты-мусульмане, терекменцы, кумыки, кайтагцы, а также во всех городах Дагестана.

«В торговых делах они постоянно служили посредниками между горцами и жителями плоскости <...>, каждый мусульманин имеет своих кунаков в еврейских деревнях, и каждый еврей имеет таких же приятелей в мусульманских деревнях» [Черный 1870: 14].

География торговых связей горских евреев охватывала Дагестан, север Азербайджана, юг России. Благодаря этому среди мужского населения горских евреев редко кто не владел азербайджанским, кумыкским, а с последней четверти XIX в. и русским языками.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Дагестанской АССР насчитывалось 11,6 тыс. горских евреев и 200 человек татов, при этом 9,5 тыс. горских евреев указали родным татский язык. Статистика 1959 г. насчитывает 16,2 тыс.

горских евреев и 3 тыс. татов. По переписи 1979 г., татов в Дагестане фиксируется 7,4 тыс. чел., тогда как число горских евреев сокращается до 4,7 тыс. чел. По подсчетам И.Г. Семенова, всего в мире насчитывается 60–70 тыс. горских евреев [Семенов 2007: 215]. Хен Брам считает, что с 1970-х гг. в Израиль иммигрировало примерно 60–65 тыс. горских евреев [Chen 1999: 5].

В материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Дагестанской АССР горские евреи значатся как «Israelites Montagnards». И такая идентификация соответствовала реальности. Но с 1960-х гг. горских евреев стали называть, по политическим соображениям, татами, а все что имело отношение к горским евреям — татским. Так, газета «Захметкеш» («Труженик»), которая выпускалась с 1928 г. и в 1938 г. была переименована в «Гырмызине астара» («Красная звезда»), считалась «татской» газетой, радиопередачи шли на «татском языке» и т.д. Вопреки очевидному и без этнографических исследований факту, что горские евреи — это самостоятельный этнос, которому советская власть присвоила название «таты», в Дагестане самое понятие «горские евреи» считалось и все еще считается неофициальным [Ихиллов 1955; Мурзаханов 1994; Горские евреи 1999; Членов 2000; Семенов 2003].

В советское время были налажены издание на горско-еврейском (татском) языке газеты, книг, выпуск в эфир радиопередач, постановки спектаклей и т.д. Масштабы потребления этой культуры были ограничены небольшой численностью населения горских евреев. Все же на «расцвет и сближение наций и национальных культур», в том числе «татской», в советское время выделялись средства. Это, наряду с обеспечением представительства в партийных и государственных органах республики, создавало у горских евреев ощущение этнического равновесия.

Татский (т.е. горско-еврейский) язык считается одним из четырнадцати т.н. «конституционных языков» Дагестана, но носителей этого языка в РД осталось всего около двух тысяч человек.

Собственно татов, по данным на 1866 г., в Дагестане насчитывалось 2,5 тыс. чел. Жили они в селах, расположенных близ Дербента (Джалган, Митаги, Кемах, Зидьян, Бильгади, Гимейди, Рукель). Со временем таты перешли на азербайджанский язык и стали идентифицировать себя как азербайджанцы.

Как отмечал в 1876 г. Г. Бекнер, тюрко-азербайджанское наречие произвело «ощутимое влияние на некоторые горские язы-

ки, а табасаранцы, живущие поблизости к Дербенту, забывают все более родную речь» [Поездки 1876: 34]. Однако наметившиеся задолго до XIX в. тенденции расширения социальных функций азербайджанского языка на территории Южного Дагестана затронули главным образом сферу «культурного потребления», но мало повлияли на речевое поведение лезгин, цахуров, рутулов в быту [Джидалаев 2004: 49].

Добавим к этому, что агулы, которые граничат с даргинцами (Буркун-Дарго), лакцами, кайтагцами и табасаранцами, находились вне сферы функционирования азербайджанского языка как языка межэтнического общения.

Лезгинским языком владели в основном жители южных и юго-восточных агульских селений, а в северо-восточных агульских селениях многие знали даргинский (кайтагский диалект) и табасаранский языки [Шиллинг 1996: 52].

Цахуры с исторически обозримого времени находятся в состоянии естественного цахурско-азербайджанского двуязычия. Обусловлено это главным образом тем, что овцеводство — основное занятие цахуров — базировалось на летних пастбищах в Дагестане и зимних выпасах в Азербайджане. Вплоть до середины XX в. среди мужского населения цахуров нередко встречались знающие лезгинский и аварский (в Закатальском р-не Азербайджана) языки. По сведениям Н.Г. Волковой, около 30 % жителей цахурского селения Ихрек владели грузинским языком [Волкова 1967: 35].

Сегодня из примерно 20 тысяч цахур две трети являются гражданами Азербайджана и «в подавляющем большинстве записываются азербайджанцами и предпочитают общаться на азербайджанском языке» [Ибрагимов 1990: 3].

Социальные позиции тюркского (азербайджанского) языка в Южном Дагестане были столь сильны, что в первые годы советской власти (до 1930 г.) вопрос о преподавании родных языков для детей лезгин, аварцев, цахуров, рутулов, компактно проживавших в Кусарском, Хачмазском, Кубинском, Закатальском, Кахском, Белоканском, Нухинском районах Азербайджанской ССР, вообще не ставился.

Более того, в самом Дагестане «курс на тюркский язык был взят основательный», а местные языки «как фактор национального строительства никто не принимал всерьез <...> уж слишком много было этих языков, и перед количеством все отступали. <...> К национальным языкам относились <...> как к злу, от которого надо отделаться, <...> голосовали за тюркский язык как основной язык школы» [Тахо-Годи 1930: 72].

В начале 1930-х гг. А.Н. Генко был составлен цахурский алфавит, а с 1935 по 1938 гг. обучение в начальниках классов велось на цахурском языке. Но уже с 1938 г. цахурские школы были переведены на азербайджанский, а с 1952 г. на русский язык обучения.

В Дагестане с 1990-х гг. предпринимаются попытки восстановить функции цахурского языка как языка начального образования, а также поднять его статус до уровня литературного.

По мнению Г.М. Мусаева, миграция рутулов и цахуров в города Дагестана и Азербайджана, в Магарамкентский, Бабаюртовский районы, Краснодарский край привела к тому, что они «превратились в этнические группы, а через 20–30 лет растворяются среди многочисленных этносов». Он считает, что «если этот процесс не остановить, то рутулы и цахуры утратят свой язык, свою традиционную культуру, перестанут существовать как этносы» [Мусаев 1997: 52].

Специфика этноязыковой ситуации в районах расселения табасаранцев характеризуется наличием традиционно сложившихся и возникших в связи с миграционными процессами последних десятилетий этноконтактных зон (главным образом, с азербайджанцами и лезгинами).

В Табасаранском районе собственно азербайджанскими являются с. Марага, Хилипенджик, Цанак, Арак, Ерсин, Дарваг, Зиль. В райцентре Табасарана с. Хучни насчитывается примерно 300 азербайджанских хозяйств и столько же табасаранских. Азербайджано-табасаранскими являются также с. Аркит и Хурвек. В селах Алак, Цанак, Хучни, Ерсин азербайджанское население свободно говорит на табасаранском языке, а в табасаранских селениях Хапиль и Татиль почти все взрослое население знает азербайджанский язык.

Наблюдения за речевым поведением населения Табасаранского района показывают, что выбор языка общения зависит как от этнической принадлежности субъектов общения, так и от его места. Дома, в кругу семьи и родственников общение происходит преимущественно на родном (табасаранском или азербайджанском) языке. В райцентре Табасаранского района с. Хучни дети говорят между собой преимущественно на русском языке, а собрания трудовых коллективов ведутся, как правило, на азербайджанском языке. Если азербайджанец оказывается в табасаранском селении, то с ним обычно говорят на азербайджанском языке, и, наоборот, в азербайджанском селении с табасаранцем стараются говорить на табасаранском языке. Русским языком в той или иной степени владеет практически все население Табасаранского района.

Надо сказать, что эти традиционные формы двуязычия в наши дни постепенно угасают. Как показывают материалы опроса, проведенного нами в 2006 г. в Табасаранском районе, среди взрослого населения табасаранцев в возрасте от 50 и старше азербайджанским языком владеет около 80 %, тогда как среди лиц моложе 30 лет доля владеющих азербайджанским языком не составляет и 10 %.

Современная табасаранская молодежь не имеет того широкого общения в азербайджаноязычной среде, которое было у их предков лет 60–70 назад. Тогда общим языком для данного региона являлся азербайджанский (тюркский) язык. Дербент еще лет 30 тому назад оставался преимущественно азербайджаноязычным городом, а экономика Табасарана, как и всего Южного Дагестана, была ориентирована в основном на рынки Дербента и Баку. Кроме того, азербайджанские села занимались преимущественно зерновым хозяйством, а табасаранские — разведением технических культур и животноводством. Замечено, что в многоязычной дагестанской среде пассивность в усвоении другого языка проявляют, при прочих равных условиях, те торговые партнеры, которые имеют зерно.

С появлением первых советских школ преподавание в Табасаранском районе велось на азербайджанском языке. Сегодня в районах компактного проживания табасаранцев обучением табасаранскому языку охвачены все учащиеся начальных классов.

Еще в 1980-е гг. на табасаранских свадьбах исполнялись преимущественно азербайджанские песни. В наши дни предпочтение отдается песням на табасаранском языке.

Многие табасаранцы знают даргинский и лезгинский языки. Так, почти все жители с. Сыртич свободно владеют лезгинским языком, а выходцы из с. Хурик и Гуртун понимают его и могут изъясняться с даргинцами на бытовом уровне.

Завершая обзор этноязыковых процессов в Южном Дагестане, отметим, что доминирующая функциональная роль в данном регионе принадлежала тюркскому (азербайджанскому) языку. Вместе с тем «дагестанская» этническая и языковая идентичность населения данного региона сохранялась в полной мере.

Этноязыковые процессы в Северо-Восточном Дагестане

Под Северо-Восточным Дагестаном здесь подразумевается территория современных Кайтагского, Каякентского, Карабудахкентского, Буйнакского, Кумторкалинского, Кизилюртов-

ского, Хасавюртовского, Бабаюртовского, Кизлярского, Тарумовского, Ногайского районов, т.е. ареал традиционного расселения кумыков, чеченцев-аккинцев, русских, ногайцев.

Этноязыковые процессы в этой части Дагестана разворачивались в несколько ином, чем в Южном Дагестане, направлении. Так, кумыки, не испытывавшие серьезных затруднений в освоении тюркского (азербайджанского) языка и письменности, были ориентированы на традиции письменности и художественной культуры на родном кумыкском языке. Среди факторов, способствовавших сохранению такой культурно-языковой ориентации, следует отметить высокий статус кумыкских политических образований не только в Дагестане, но и за его пределами [Ибрагимов, Аджиев 2002: 473].

Важным фактором упрочения этноязыкового самосознания кумыков явилось то, что они на протяжении столетий находились в едином с народами Нагорного Дагестана культурно-языковом пространстве. «Начиная примерно с хазарского времени по первую треть XX в. тюркский язык предков кумыков, а затем и сам кумыкский язык служили языком межэтнического общения на Северо-Восточном Кавказе. Кумыкский язык был официальным языком переписки народов Кавказа с русскими царями, представителями русской администрации, изучался в гимназиях и училищах Владикавказа, Ставрополя, Моздока, Кизляра, Темир-Хан-Шуры и др. <...> В 1917–1918 гг. на национальных съездах народов Северного Кавказа кумыкский язык был принят в качестве официального языка» [Ибрагимов, Аджиев 2002: 474].

Стимулировала этноязыковое самосознание кумыков исторически сложившаяся торгово-экономическая ориентация населения Нагорного Дагестана на кумыкскую равнину, на освоение кумыкского языка.

В 1893 г. автор статьи «Кое-что о кумыках и об их языке» писал, что кумыки всегда пользовались большим влиянием на соседних горцев, «для которых их язык служит языком международных отношений». Он также отмечал, что «в последнее время русский язык начинает его замещать в этой роли, проникая все дальше и дальше в горные ущелья Кавказа» [Лопатинский 1893: 60].

С конца XIX в. в культурной жизни кумыков, как и других народов Дагестана, происходили изменения, которые можно охарактеризовать как трансформацию арабо-мусульманской культурной традиции, становление светской системы образования и науки, профессионализацию художественной культуры, прежде всего языковых ее форм.

Аварцы называют кумыкский язык «лъарагI мацI» (досл. «равнинный язык»). И это не случайно. Аварец, владея кумыкским языком, мог вести элементарный разговор практически со всеми, кто жил на равнине. Он мог изъясняться не только с карачаевцем и балкарцем, но и с черкесом, владевшим ногайским языком, или с лезгином, владевшим азербайджанским языком.

Жители Нагорного Дагестана не были и не могли быть в политической, торгово-экономической и культурной изоляции от кумыков. Достаточно сказать, что биографии многих известных в Дагестане и за его пределами ученых связаны с такими центрами духовной жизни и просвещения кумыков, как Аксай, Эндирей, Костек, Тарки, Казанище, Эрпели, Доргели и др. Редкий ученый-алим в дореволюционном Дагестане не знал кумыкского языка и кумыкской грамоты. Примечателен в этой связи и тот факт, что в первые годы советской власти все члены Союза писателей Дагестана знали кумыкский язык и говорили на нем не только с кумыками. Так, лакец Э. Капиев работал учителем в с. Аксай и хорошо освоил кумыкский язык, что позволяло ему свободно общаться с лезгином С. Стальским. Лакец А. Гафуров знал аварский язык, а аварец Г. Цадаса в молодые годы учился в Чечне и научился чеченскому языку. Но тот и другой в обществе лезгина Т. Хрюгского или кумыка А. Кази говорили по-кумыкски.

И это не единичные примеры. Вплоть до 1970-х гг. в г. Буйнакске коренные жители общались в быту преимущественно на кумыкском языке, на нем велась торговля. В начале 1930-х гг. располагавшуюся в том же городе труппу кумыкского театра составляли восемь кумыков, четыре аварца, два лакца, балкарец, крымская татарка, гречанка, армянка, даргинец и казанский татарин. Как писал грек А. Сегеди, один из организаторов кумыкского, аварского и даргинского национальных театров, «все они хорошо знали кумыкский язык, но все же акцентировка давала себя чувствовать» [Сегеди 1934: 19].

Специфика этноязыковых процессов у чеченцев, представленных в Дагестане их этнической группой — аккинцами, связана с расселением в непосредственной близости от северных кумыков и салатавских аварцев, язык которых, особенно кумыкский, оказал существенное влияние на аккинский диалект чеченского языка [Алироев 1994: 47].

До 1925 г. чеченская письменность функционировала на арабской графической основе (аджаме). В 1928 г. ее перевели на латиницу, а с 1938 г. — на кириллицу. Кстати сказать, задолго до этого П.К. Усларом была составлена азбука и грамматика чеченского языка на русской графической основе [Услар 1888].

Но в советское время чеченский язык, как и другие старописьменные языки народов Северного Кавказа, был объявлен бесписьменным.

«До 1917 года чеченский народ лишен был возможности иметь свою письменность, литературу и школу. <...> Октябрьская революция в Чечне, — писал М. Орцуев, — застала 60-тысячную армию мюридов, 2675 мечетей, 180 арабских мусульманских школ с большим количеством учащихся в них» [Орцуев 1933: 27]. Как видим, арабскую грамоту, которой учили в чеченских и дагестанских медресе (многие чеченцы получали мусульманское образование в Дагестане), за письменность не считали.

Меры, предпринятые советской властью по созданию на чеченском языке учебной и художественной литературы, прессы, театра и т.д., были поистине революционными. Однако в результате депортации чеченцев в 1944 г. достижения на «культурном фронте» были сведены к минимуму. После репатриации в 1957 г. чеченцам пришлось практически заново создавать образовательные и культурные учреждения.

Сегодня обучение на чеченском языке ведется в начальных классах десяти школ Хасавюртовского, в девяти школах Новолакского и в одной школе Бабаюртовского районов. В качестве учебного предмета чеченский язык изучается в 33 школах Хасавюртовского района и г. Хасавюрта. С 2001 г. на чеченском и русском языках издается газета «Рийсо» («Равенство»), «чеченские песни, мелодии, танцы — неотъемлемая часть дагестанских концертных программ, передач республиканского телевидения и радиовещания» [Ибрагимов 2002: 472].

То же самое можно сказать и о функциональном статусе ногайского языка. По переписи 2002 г., ногайцев в Дагестане насчитывалось 38 168 чел. В Дагестане они имеют свое территориально-административное образование (Ногайский район) и «мини-столицу» — райцентр Терекли-Мектеб. Расселены ногайцы и в других районах Дагестана: Кизлярском, Тарумовском, Бабаюртовском.

Перспективы этнокультурного развития ногайцев исследователи связывают с отсутствием «единого национально-территориального образования (национального округа в рамках Ногайской степи)» [Российский Кавказ 2007: 209]. Не менее актуальными для ногайцев остаются проблемы, связанные с опустыниванием Ногайской степи и безработицей. В последние два десятилетия ногайцы все активнее стали переезжать в города Дагестана и России. Процесс этот, с точки зрения перспектив сохранения ногайцами своей этноязыковой идентичности, трудно назвать благоприятным.

В зоне Прикаспийского и Северного Дагестана расположены все города Дагестана, кроме Буйнакска.

На начальных этапах формирования городского населения Дагестана миграционные потоки сельского населения в города не были столь мощными, чтобы кардинально изменить уже сложившуюся в городах этноязыковую ситуацию. Вплоть до начала 1950-х гг. Буйнаксск, Хасавюрт оставались преимущественно кумыкоязычными городами, Дербент — азербайджаноязычным, Избербаш — даргиноязычным, Кизляр, Махачкала, Каспийск — русскоязычными городами. Но уже в 1960-е гг. в эволюции этноязыковой ситуации в городах определилась тенденция постепенного формирования русскоязычной среды.

Наряду с тем в городах Дагестана распространены различные формы двуязычия. Так, в Буйнакске практически все старожилы некумыкской национальности в той или иной мере знают кумыкский язык. В Хасавюрте многие аварцы и чеченцы знают разговорный кумыкский язык. В Дербенте среди лезгин, табасаранцев и особенно рутульцев и цахуров широко распространено знание азербайджанского языка. Многообразны также вариации использования того или иного языка в различных речевых ситуациях. Однако, как показывают наблюдения, число таких билингов с каждым годом становится все меньше, особенно среди молодого поколения горожан-дагестанцев.

В последние два десятилетия социологические опросы, которые позволили бы получить количественно-качественную характеристику современной этноязыковой ситуации, в Дагестане не проводились. Последний раз такого рода опрос был проведен мною в 1983 г. по специально разработанному в секторе конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР вопроснику «Современные этнические процессы в городах Дагестана». Тогда результаты анкетирования показали, что среди молодого поколения (18–29 лет) дагестанцев, родившихся в городах и окончивших городские школы, каждый третий не владел или не в полной мере владел родным разговорным языком, а почти каждый второй не умел на нем читать и писать. Из материалов опроса следовало, что дагестанцы — уроженцы городов русским языком владеют намного лучше, чем родным, что не только вне дома, но и в семейном быту они общаются в основном по-русски.

Сегодня «в Махачкале каждый второй дагестанец, особенно среди молодежи, не владеет своим родным языком» [Магомедов 2007: 553]. Схожая ситуация с владением родными языками и в других дагестанских городах.

Из республик Северного Кавказа наиболее урбанизированной является Северная Осетия (около 65 % городского населения). Наименьшая доля городского населения в Чеченской республике (до 35 %). Из 13 субъектов ЮФО Республика Дагестан по доле городского населения (42,7 %) занимает 11 место [Основные итоги 2004: 1–2; Национальный состав 2002: 15–19]. Но в Дагестане при относительно низкой доле городского населения влияние урбанизации как фактора трансформации этноязыковой идентичности ощущается сильнее, чем в других субъектах РФ. Для сравнения: в Чеченской Республике и Ингушетии большинство сельского и городского населения составляют соответственно чеченцы и ингуши, тогда как в Дагестане ни одна из национальностей, представленных в его этнической структуре, не составляет и трети населения республики.

Этноязыковые процессы в Нагорном Дагестане

Нагорный Дагестан, в отличие от Прикаспийских районов, не подвергался сколько-нибудь существенному этническому смешению населения и в целом продолжает сохранять преемственность исторически сложившейся этноязыковой структуры.

В Дагестане со средневековья и вплоть до 1920-х гг. языком религии, образования, науки, культурного творчества, межэтнического общения духовной элиты служил арабский язык [Генко 1941; Крачковский 1948; Лавров 1966, Шихсаидов 1984; Кемпер 2005 и др.].

Роль языков межэтнического общения выполняли: а) кумыкский язык (в Северном и Нагорном Дагестане); б) азербайджанский и отчасти лезгинский языки (в Южном Дагестане); в) аварский язык (в Западном Дагестане); г) лакский язык (в Центральном Дагестане).

Владение несколькими языками считалось обычным явлением. Так, среди жителей аварских сел Бухты, Шангода, Шитлиб (Гунибский район), Дусрах (Чародинский район), даргинцев селения Цудахар (Левашинский район) все еще встречаются знающие лакский язык. Лакцы селений Балхар, Уллучара (Акушинский район), Шадни (Дахадаевский район) знают даргинский язык. Среди даргинцев селений Куппа и Хаджалмахи (Левашинский район) немало тех, кто владеет бытовой аварской речью, а среди аварцев селений Чогли, Кутиша, Охли, Кулецма, Урма (Левашинский район) — знающих даргинский язык. Гинухцы, например, кроме родного языка знают еще цезский и бежтинский языки, а в школьном возрасте осваивают аварский и русский языки.

Багулалы, отчасти чамалалы, хваршины селения Инхквари владеют тиндинским языком. Тиндалы утверждают, что они немного понимают речь годоберинцев, каратинцев и андийцев, а между багулальским и тиндинским языками находят такие же различия, как между салатавским и гляротинским диалектами аварского языка. Некоторые из годоберинцев в той или иной мере могут изъясняться на багулальском и чамалинском языке.

В прошлом экономически активная часть мужского населения Западного Дагестана (дидойцы [цезы], гинухцы, бежтинцы, гунзибцы, хваршины и др.) осваивала грузинский язык [Иоселиани 1862: 92].

Соседство, торговые и куначеские связи андийцев с чеченцами способствовали тому, что многие андийцы, преимущественно мужчины, общались с чеченцами на их языке. Чеченцы-чаберлоевцы знали аварский язык и говорили на нем с аварцами и андийцами [Абдурахман 1997: 116].

С 1958 г. торговые и межличностные связи андийцев с чеченцами после 14-летнего перерыва, связанного с депортацией чеченцев (1944–1958), возобновились. Наметилось и некоторое оживление андийско-чеченского двуязычия.

«Аварский язык, — писал П.К. Улар, — непрерывной полосой, более или менее широкой, разрезает весь Нагорный Дагестан, по направлению от севера к югу; он разъединяет языки восточной стороны от языков западной, сам же находится в соприкосновении как с теми, так и с другими. Весьма понятно, почему сделался он господствующим языком для международных сношений в целом Нагорном Дагестане» [Услар 1889: 3].

Становление в Западном Дагестане авароязычной культурной среды обусловлено полиэтничностью данного региона, а также тем, что к территории расселения андо-цезских народов вплотную примыкает ряд возникших в разное время авароязычных поселений. Так, среди багулалов, чамалалов, тиндалов, хваршин на территории бывшего вольного общества «Ункратль» расположены аварские селения Саситль, Сильва, Гако, Кидиб, Хваршины, Митрада и Сихалах. В союз сельских общин «Технуцал» с центром в с. Ботлих помимо ботлихцев (селения Ботлих, Миарсо и хутор Ашино), годоберинцев (села Верхний и Нижний Годобери, Зибирхали), андийцев (села Кванхидатль, Муни, Рушуха, Орта-кола) и чеченцев (отселки Арас-Гарикולי, Акишаин Коло) входили и собственно аварцы (села Хелетури, Ансалта, Рахата, Шодрода, Тандо, Тасута). Каратинское селение Тукита «находилось в плотном окружении аварских селений, входящих в Хунзахскую общину», а в Гидатлинское

общество, говорящее на гидском диалекте аварского языка, входили ахвацкие селения Тлянуб, Цекоб и Ратлуб [Джидалаев 2004: 42].

Западный Дагестан в целом продолжает сохранять преемственность сложившейся много веков назад этноязыковой структуры. Оговорка «в целом» сделана не случайно. Во-первых, некоторые районные центры (с. Агвали Цумадинского района, с. Ботлих Ботлихского района) стали полиэтническими [Карпов 2007: 127–141]. Во-вторых, центры функционирования некоторых языков народов Западного Дагестана за истекшие полвека плавно переместились с гор на равнину. Процесс этот не обнаруживает признаков развития в обратном направлении, и (с точки зрения сохранения языков малых по численности народов Дагестана) его трудно охарактеризовать как однозначно позитивный. Так, две трети четырехтысячного населения хваршин живет на равнине или в городах, в результате чего территория их традиционного обитания в горном Цумадинском районе уже не является основным ареалом функционирования хваршинского языка и воспроизводства этнокультуры хваршин. Сказанное можно отнести и к тиндалам, общая численность которых доходит, по моим оценкам, до 10 тыс. чел.

В сложной этноязыковой ситуации находятся также гунзибцы. После их переселения в 1944 г. из мест традиционного расселения в Цунтинском районе Дагестана и Кварельском районе Грузии в Чечню и после повторного переселения в 1958 г. из Чечни в Дагестан часть вернулась в горы, а многие осели на равнине. Сегодня из примерно трехтысячного населения этого народа около 300 чел. пока еще остаются в Грузии и около тысячи человек живут в селениях Гунзиб, Нахада, Гарбутль и хуторах Тодор и Родор Цунтинского района. Более половины всех гунзибцев проживает в селах Стальское и Комсомольское Кизилюртского района совместно с кумыками и другими народами, а также в городах Южно-Сухокумск и Кизилюрт.

Территориальная разрозненность, ограниченные в условиях равнины и близости к городам возможности сохранять традиционный образ жизни и поведенческие стереотипы — все это способствует формированию у переселенческого населения признаков маргинальной идентичности. Проявляется это как в образе жизни и поведенческих стереотипах, так и в ослаблении интереса к освоению родных языков.

Явление это было отмечено исследователями еще в 1970-е гг. и рассматривалось в контексте модернизации и «интернационализации» общественного быта, роста культурного уровня [Традиционное и новое 1988]. Однако ни по культуре русской речи, ни по степени освоения русскоязычной культуры пересе-

ленческое население не занимает высшие в республике позиции.

С 1990-х гг. предпринимаются попытки создать для «бесписьменных языков» буквари, ввести эти языки в школьное образование в качестве предмета или языка начального обучения, издавать газеты и т.д. Во всем этом нет ничего противоправного или невозможного. И в прошлом носители так называемых «бесписьменных языков» располагали интеллектуальным потенциалом, достаточным для транслитерации своих родных языков на основе арабской графики или русской азбуки.

П.К. Услар в письме к А.А. Шифнеру от 19 октября 1863 г. писал: «Я полагаю, что никогда ни одного слова не было записано на языке Арчи» [Услар 1890: 6]. Однако до нас дошли сочинения религиозно-нравоучительного содержания, написанные в прозаической и стихотворной форме в начале XIX в. на этом языке.

М.А. Агларов обнаружил письменные памятники XIX в. на андийском языке [Агларов 2002: 247]. Вероятно существование аналогичных письменных текстов и на других «бесписьменных языках». Правда, такие опыты не превратились в письменную традицию. Причина здесь, по-видимому, в степени практической потребности, необходимости подобного рода письменности. Носители т.н. «бесписьменных языков» не были «бесписьменными». В религиозно-обрядовой, культурной, творческой жизни они пользовались и обходились письменностью, созданной на языках более многочисленных народов Дагестана: аварской (андо-цезские народы и арчинцы), лакской (арчинцы, аварцы обществ «Рис-ор», Шангода, Шитлиб, Бухты и др.), даргинской (кубачинцы, кайтагцы), тюркской (цахуры, рутульцы).

Еще в 1920-е гг. агулы, рутульцы, дидойцы ставили перед правительством ДАССР вопрос о создании письменности на родных языках. Но «из-за малочисленности носителей агульского языка, как и носителей рутульского и дидойского языков, из-за отсутствия подготовленных кадров и по другим причинам этот вопрос не получил положительного решения» [Сулейманов 1993: 8].

С 1952/1953 учебного года агульские школы с первого класса перешли на русский язык. Тогда же на русский язык обучения перешли рутульские и цахурские школы, в которых ранее, как и в табасаранских школах Хивского района, языком обучения в начальных классах являлся лезгинский. Сделано это было в административном порядке и оценено как «явления, которые свидетельствуют, что национальное самосознание отдельных

народностей СССР поднялось до понимания объективной необходимости самоассимиляции» [Холмогоров 1982: 66].

С 1992 г. обучение в начальных классах агульских школ ведется на агульском языке. Язык этот преподается в Дербентском педучилище и Дагестанском педагогическом университете. На нем выходит районная газета «Агъуларин хабарар» («Агульские вести»).

С созданием письменности на агульском языке, писал Н.Д. Сулейманов, «открываются широкие возможности для культурного и духовного самовыражения их носителей» [Сулейманов 1993: 9]. Понятно, что широта этих возможностей ограничена пределами функционирования агульского языка и количеством его носителей (около 20 тыс. чел., из которых примерно 14 тыс. проживает в пределах Дагестана, в том числе треть — в городах республики). Кроме того, для этнической элиты самовыражение на уровне и в среде республиканского или российского истеблишмента может представляться куда более привлекательным, чем уровень узко этнический, районный. Надо думать, что повторение агульского опыта по части создания письменности андо-цезскими народами не будет механическим. Представляется также целесообразным исследование эксперимента по основанию цахурской (1932) и ахвахской (1936) письменности, равно как и современных опытов по возобновлению этого эксперимента для каратинского и других бесписьменных языков.

В научно-практическом плане составление азбуки, букварей, учебных пособий или издание газет на любом из т.н. бесписьменных языков не составляет особых проблем: по всем этим языкам имеются академически разработанные грамматики, созданы словари и т.д. К тому же фонетические различия между дагестанскими языками минимальны, а транслитерация какого-либо из бесписьменных языков на основе уже существующего алфавита литературного языка (например, аварского, лезгинского или даргинского) может быть осуществлена и каким-нибудь вундеркиндом.

В связи с инициативами по созданию письменности для ряда бесписьменных дагестанских языков возникает вопрос о мотивации таких инициатив. Конечно, по сравнению с устной речью письменный язык дает более широкие возможности для фиксации и систематизации огромного объема разнородной информации, которую не в состоянии освоить ни отдельные гении, ни даже весь народ. Наличие на том или ином языке письменной традиции, ее древность является для носителей языка предметом гордости, престижа. Нет сомнения и в том, что письменность как компонент культуры «дисциплинирует»

процесс освоения знаний, совершенствует логическое мышление, упорядочивает и тем самым облегчает механизмы передачи языковых и неязыковых форм культуры новым поколениям и т.д.

Но является ли наличие письменности на том или ином языке обязательным условием его функциональной долговечности? Ведь примерно пятая часть всех языков мира не имеют письменности вообще, более половины не имеют литератур и стандартизированных грамматик и орфографий, и лишь 27 % языков имеют нормативные (академические) грамматики и словари и используются в полном объеме в сфере образования и художественного творчества [Мир языков 2006: 197].

Известный тезис о том, что любой из языков народов мира, в том числе бесписьменный, имеет потенциальные возможности развития до наивысших социально-коммуникативных и социально-культурных уровней, не следует понимать буквально. Существуют еще и демографические, экономические, социолингвистические и другие реалии, которые не всем и не всегда удается приводить в соответствие с привлекательными теоретическими моделями или виртуальными схемами управления этноязыковыми процессами. Иными словами, без учета социально-демографических реалий попытки оживить функционально депрессивные языки или наделить языки ранее не свойственными им функциями вряд ли окажутся эффективными и перспективными.

Не секрет, что социальные функции, сферы употребления языков с давно устоявшимися письменными традициями неуклонно сворачиваются и все явственнее ограничиваются пределами семейного и сельского быта. Сказанное в полной мере относится и к освоению, употреблению аварского языка как собственно аварцами, так и андо-цезскими народами, которые, как и арчинцы, на протяжении веков составляли авароязычную общность. Сомнительно, что самоизоляция от авароязычной среды общения сделает жизнь андо-цезских народов и арчинцев духовно богатой или уберезет их от последствий глобализации, «перемальвающей» этнокультуры целых континентов и многомиллионных народов.

С культурологической точки зрения все языки и культуры уникальны. Формально в Конституциях абсолютного большинства стран мира провозглашено равенство граждан вне зависимости от их языковой, национальной, расовой, религиозной принадлежности. Однако фактическое, функциональное равенство языков не может быть обеспечено одними лишь правовыми декларациями. Существование коммуникативной и социально-политической иерархии языков — это объектив-

ная реальность, которая, как известно, узаконена международными и национальными (государственными) правовыми актами. Кроме того, в самой природе народонаселения как бы заложена неравнозначность последствий эволюции этноязыковой сферы для народов, существенно отличающихся по численности, традициям двуязычия и т.д.

Наивно полагать, что на республиканском или федеральном уровнях могут быть поддержаны проекты по возложению на языки народов Дагестана заведомо непосильных (с точки зрения финансового обеспечения) социально-культурных функций (использование в сфере высшего образования, науки, создание для всех без исключения народов Дагестана «национальных» театров, телекомпаний).

Большое влияние на функциональное состояние языков оказывает характер расселения народов. Показательна в этом отношении языковая ситуация у лакцев. Из 155,6 тыс. лакцев (2002) в районах их компактного расселения (Лакский, Кулинский, Новолакский и Кумторкалинский районы) проживает примерно пятая часть. Ряд лакских селений (Балхар, Цуликана, Уллучара в Акушинском р-не, Аракул и Верхний Катрух в Рутульском р-не, Шадни в Дахадаевском р-не, Шалиб в Чародинском р-не) находится вне территории сплошного расселения лакцев, в «языковом окружении» даргинцев, рутульцев, аварцев. Жители этих сел двуязычны, с основным массивом лакцев взаимодействуют эпизодически и, в сущности, мало могут влиять на динамику языковой жизни лакского этноса. Несколько тысяч лакцев проживают в Москве и Санкт-Петербурге. Лакские диаспоры численностью более тысячи человек имеются в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Казахстане, Азербайджане, Украине.

Абсолютное большинство лакцев (около 70 %) проживают в городской, т.е. русскоязычной, среде. Это наряду с ограниченным демографическим ресурсом лакцев и продолжающейся миграцией сельских жителей в города является существенным фактором редукции социальных функций лакского языка.

В отличие от лакцев, диалектное деление языка которых (кумукский, вицхинский, шаднинский, вихлинский, аракульский, бартхинский [балхарский], вачи-кулинский диалекты) не мешает их свободному общению, носители разных диалектов даргинского языка понимают друг друга с трудом и при общении обычно переходят на русский язык.

Даргинцы составляют большую часть населения Акушинского, Левашинского, Кайтагского, Сергокалинского и Дахадаев-

ского районов Дагестана. Они также проживают в селах Чирах, Амух, Шари Агульского р-на, Кадар, Кармахи, Чабанмахи, Чанкурби Буйнакского р-на, Губден и Гурбуки Карабудахкентского р-на, в поселках Первомайское, Новое Викри, Каранай-аул, Краснопартизанский Каякентского р-на, в поселках Нижний Костек и Сулевкент Хасавюртовского района и в ряде населенных пунктов Ногайского района.

По переписи населения 1989 г., даргинцев в Дагестане насчитывалось 280,4 тыс. чел., а всего в Российской Федерации — 353,3 тыс. чел., в том числе в Ставропольском крае — 32,7 тыс. и в Калмыкии — 12,9 тыс. чел.

Даргинский язык делится на множество диалектов: акушинский, урахинский [хюрклинский], цудахарский, кайтагский, сирхинский, муиринский, мурегинский, кадарский, кубачинский, санжинский, мугинский, амухский, мегебский, губденский, мекегинский.

«У даргинцев, — писал М.-З.О. Османов, — общего языка общения не было, литературный язык стал складываться в советское время на базе акушинского диалекта, однако литературный язык не функционирует в старших классах и в местном делопроизводстве, малоупотребителен в быту (в отличие от аварского), что делает проблематичным становление в обозримом будущем единого, доступного всем, активно функционирующего языка» [Османов 2002: 94].

Наблюдения за современными тенденциями развития этноязыковых процессов у даргинцев показывают ослабление начавшейся в советские годы активности по формированию литературного языка.

Надо сказать, что идея создания литературного языка на базе тех или иных диалектов (наречий) оказалась в целом приемлемой почти для всех народов Дагестана. Однако жесткая формализация литературных языков по образцу русских орфографических словарей и нормативных грамматик, запрещение адаптации заимствований по фонетическим нормам языка-реципиента и т.д. привели к тому, что диалекты оказались вытесненными из письменной и художественной традиции. Так, сложившаяся задолго до советской власти традиция письма на диалектах даргинского языка (урахинском, цудахарском, кайтагском и др.) была предана забвению. Абсолютизация малопонятного многим даргинцам акушинского диалекта как единственной литературной нормы привела к тому, что значительная часть даргинцев оказалась как бы вне национального культурно-языкового поля.

Заключение

Языковые процессы в Дагестане развивались в условиях паритетных отношений между народами и языками, а потому вопрос о едином, всеупотребительном, «государственном» языке не мог быть актуализирован в принципе. Веками сложившиеся разносторонние межэтнические связи способствовали возникновению различных по сферам применения, ареалам и масштабам распространения форм двуязычия. Особое положение в функциональном взаимодействии и содействии языков занимали тюркский (азербайджанский) и арабский языки. Социально-культурные роли этих языков не были равнозначными и равновеликими. Тюркский язык употреблялся и как письменный, и как средство бытового, массового общения, ареал его преимущественного применения был очерчен пределами Южного Дагестана. В силу различных исторических причин народы этой части края, в лингвистическом отношении далекие от тюркской языковой семьи, оказались почти всецело вовлеченными в тюркскую (азербайджанскую) языковую и культурную стихию. В ней они находили и материальную пользу, и удовлетворение культурных запросов, и творческое, духовное вдохновение.

В досоветском Дагестане арабский язык являлся языком религии, образования, научного и художественного творчества, делопроизводства, отчасти языком межэтнического общения. С включением Дагестана в орбиту российской государственности основным языком межэтнического общения как внутри региона, так и за его пределами становится русский. Оживление экономики, развитие транспорта и торговли, расширение масштабов и географии отходничества, рост городов, предпринимательская активность населения — все это обусловило существенные изменения в сфере общественного быта и сознания, оказало решающее влияние на изменение ориентаций дагестанцев в пользу освоения русского языка. Все более осознанным и массовым становилось стремление социально продвинутых слоев населения к инкорпорации в военную и экономическую элиты Российской империи, получению русского образования, освоению русской культуры.

В истории культуры Дагестана период второй половины XIX — начала XX в. отмечен возрождением дагестанской литературы, оживлением арабо-мусульманской и уверенным усвоением русско-европейской культурной традиции [Гамзатов 2000].

Достаточно сказать, что только за 1907–1917 гг. в Дагестане в типографиях М. Мавраева в г. Темир-Хан-Шуре и А.М. Михайлова в Порт-Петровске было издано книг на аварском языке

ке — 80, даргинском — 34, кумыкском — 132, лакском — 33, чеченском — 15, на двух и более языках народов Дагестана — 25. В те же годы в Дагестане было издано на азербайджанском языке всего две книги, на осетинском, адыгейском, балкарском — по одной, на карачаевском и кабардинском языке — по пять.

Среди печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана, изданных до 1917 г., имеются духовно-религиозные произведения дагестанских и недагестанских авторов, учебники и учебные пособия по математике, грамматике, географии, истории, дву- и многоязычные словари, различные календари, медицинские справочники, произведения художественной литературы, труды по истории Дагестана, астрономии, филологии и т.д. [Исаев 1979: 12–16]. Немалыми по тем временам были и тиражи книг — по 1000–1500 экземпляров.

К концу XIX в. социально-культурный облик дореволюционного Дагестана определялся не только селом — колыбелью дагестанской культуры, но и городскими инновациями, влиянием таких культурных центров, как Баку, Тифлис, Владикавказ, Ставрополь, Санкт-Петербург, Москва.

Досоветский Дагестан был связан железнодорожным сообщением с Баку и центральной Россией, располагал морским портом, имел немалый для своего времени промышленный потенциал, ориентированное на внутренний и российский рынок сельское хозяйство. Здесь функционировали сеть мусульманских и ряд светских школ, типографии, выпускались газеты, открывались библиотеки, музеи, театры. О социальной мобильности дагестанцев говорит и количество отходников, которое доходило до половины трудоспособного мужского населения дореволюционного Дагестана. Некоторые дагестанцы имели свое оружейное и ювелирное дело в городах Баку, Тифлис, Грозный, Владикавказ и др., учились в гимназиях и вузах Ставрополя, Тифлиса, Харькова, Москвы, Петербурга, Мюнхена, Сорбонны, служили офицерами и генералами царской армии.

С развитием капиталистических отношений, усилением предпринимательской и миграционной активности населения потребность в освоении русского языка становилась все более осознанной. Стремление дать своим детям наилучшее образование, определить их в русскую школу, обучить русскому языку — эти настроения кавказцев не раз отмечались и поддерживались царским правительством и русской интеллигенцией, миссия которой на Кавказе отнюдь не сводилась к русификации «иностранцев».

Свое видение и понимание перспектив вывода горских народов на путь просвещения проповедовала новая генерация горской интеллигенции, получившая русско-европейское образование и воспитанная русской городской жизнью. Так, в первом номере (28 февраля 1912 г.) первой дагестанской газеты «Заря Дагестана», редакция которой располагалась в доме № 24 по Пушкинской улице Санкт-Петербурга, писалось: «Надо показать нашему бедному, рассеянному по всей России за куском хлеба народу, что ни “русская школа”, ни “русская наука” не могут испортить нас, как многие из них еще и теперь думают» [Кажлаев 1912: 3].

Вопреки устоявшемуся в советское время мнению о том, что конечная цель политики царского правительства в области образования заключалась в «обрусении инородцев», деятельность открывавшихся на Кавказе и в Дагестане русских школ и гимназий состояла прежде всего в просвещении народа, привитии ему, как тогда говорили, «начал гражданственности». Желавших учиться в этих учебных заведениях было во много раз больше, чем учебных мест. Основной и с точки зрения общедоступности «народной» вплоть до середины 1920-х гг. оставалась традиционная арабо-мусульманская система образования [Каймаразов 1971; Магидов 1979].

Осуществление культурной революции, строительство советских школ, перевод национальной письменности с арабской графики на латиницу (1927) и кириллицу (1938) сопровождалось изъятием и уничтожением арабографической рукописной и печатной литературы, ликвидацией традиционной арабо-мусульманской системы образования. В советское время были изданы новые учебники, открывались новые школы, техникумы, вузы, создавались национальные СМИ, писательские союзы, художественные коллективы, театры и т.д.

С 1960-х гг. присущее раннему периоду советской истории относительно гармоничное взаимодействие национальных и русского языков, выразившееся в том, что каждый из них занимал соответствующие своим демографическим, коммуникативным, образовательно-культурным и иным ресурсам функциональные сферы и ниши, начало меняться в сторону ограничения сфер употребления родных языков.

Следствием вытеснения национальных языков из таких общественно значимых сфер, как образование, делопроизводство, государственная власть, публичная политика, «внедрение» в общественное сознание идей о бесперспективности «племенных языков», о том, что за пределами аула родной язык никому не нужен, явилось падение социального престижа знания родных языков.

В истории Дагестана последние два века отмечены насильственными и добровольными миграциями, которые существенно усложнили и без того сложную этническую палитру края. Сегодня большая часть населения Республики Дагестан живет в равнинной и предгорной части, причем около половины — в городах, этническая мозаичность которых приближается к теоретически возможному максимуму. Часть территории Предгорного Дагестана и весь Приморский Дагестан от Самура до границ со Ставропольским краем и Республикой Калмыкией предстает перед нами как сплошная зона смешения этнокультур и языков. Около миллиона дагестанцев живут за пределами Республики Дагестан (в пределах РФ, Азербайджана и в других странах СНГ). При таком расселении межэтническое общение является для них естественной повседневностью, а совершенное знание русского языка — жизненной потребностью. Наиболее интенсивно этноязыковые процессы развиваются в городах.

Несмотря на высокие темпы роста городского населения (на начало 2005 г. население Дагестана составило 2 млн 621,8 тыс. чел., из них городских жителей — 42,7 %), абсолютная численность сельского населения не уменьшается. И это создает иллюзии о неисчерпаемом потенциале дагестанского села в смысле сохранения родных языков и этнокультурных традиций. Между тем рост численности сельского населения происходит не в горной зоне, а в равнинных районах Дагестана и ведет не к гомогенизации, а к дальнейшему смешению этнического состава населения республики, формированию преимущественно русскоязычной среды.

Библиография

- Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни: Пер. с араб. М.-С. Саидова. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1997.
- Агларов М.А. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 2002.
- Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный: Ичкерия, 1994.
- Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
- Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам // Тр. общ. обслед. и изуч. Азербайджана. 1926. Вып. 4.
- Бунятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку: изд-во Акад. наук АЗССР, 1965.
- Волкова Н.Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе // Советская этнография. 1967. № 1. С. 27–40.
- Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.

- Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.: Восточная литература, 2000.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
- Гамзатов Г.Г.* Дагестанский феномен возрождения. Махачкала: ДНЦ РАН, 2000.
- Генко А.Н.* Арабский язык и кавказоведение: О значении арабских материалов для изучения истории Кавказа // Труды второй сессии арабистов 19–23 окт. 1937. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1941. С. 81–110.
- Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М.: Восточная литература, 1958. С. 60–120.
- Горские евреи: История, этнография, культура / Сост. и научн. ред. В. Дымшица; Пер. с иврита Ю. Мурадова; Вступит. ст. М. Членова; Под общей ред. И. Бегуна. Иерусалим: Даат; М.: Знание, 1999.
- Джиддалаев Н.С.* Тенденции функционального развития языков в до-революционном Дагестане (к характеристике языковой ситуации). Махачкала: ДНЦ РАН, 2004.
- Ибрагимов Г.Х.* Цахурский язык. М.: Наука, 1990.
- Ибрагимов М.-Р.А.* Чеченцы // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 460–472.
- Ибрагимов М.-Р.А., Аджиев А.М.* Кумыки // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 472–492.
- Иоселиани П.* Путевые записки по Дагестану в 1861 году. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника кавказского, 1862.
- Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР: (Процессы создания письменности народов СССР). М.: Наука, 1979.
- Ихлов М.М.* Горские евреи // Народы Дагестана. М.: Наука, 1955. С. 226–240.
- Кажлаев М.* Привет лека // Заря Дагестана. 1912. 28 февр. № 1.
- Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971.
- Карпов Ю.Ю.* Ботлих: судьба горско-дагестанской общины в новейшее время // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 127–141.
- Козубский Е.И.* История Дербента. Темир-Хан-Шура: Русская тип. В.М. Сорокина, 1906.
- Крачковский И.Ю.* Арабская литература на Северном Кавказе // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 1. С. 13–24.

- Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М.: Наука, 1982.
- Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть I. Надписи X–XVII вв. М.: Наука, 1966.
- Лопатинский Л.Г.* Кое-что о кумыках и об их языке // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XVII. Отд. III. Тифлис: издание Управления Кавказского учебного округа, 1893. С. 60–63.
- Магидов Ш.Г.* Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1979.
- Магомедов Г.И.* Языковая политика и национальное образование в Республике Дагестан // Наследие как система ценностей: язык, культура, история: Сб. ст. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 542–556.
- Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
- Мир языков. Обзор языков мира: Перевод с английского и ред. Н.С. Бадмаевой, Т.Н. Богдановой, В.И. Колодько, Б.Э. Корнусовой. Элиста: Элиста: КалмГУ, 2006.
- Мурзаханов Ю.И.* Очерк истории этнографического изучения горских евреев (XVIII — начало XX в.). М.: ЧОРО, 1994.
- Мусаев Г.М.* Рутулы. (XIX — нач. XX в.): Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 1997.
- Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Махачкала: Комитет по статистике РД, 2002. Т. 3.
- Орицев М.* Культурное строительство Чечни за 15 лет // Революция и горец. Политико-экономический ежемесячник. Орган северокавказского краевого комитета РКП(б) и краевого исполнительного комитета. Январь-февраль, № 1–2. Ростов н/Д., 1933. С. 29–30.
- Османов М.-З.О.* Даргинцы // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 289–321.
- Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в Республике Дагестан. Махачкала: Комитет по статистике РД, 2004.
- [*Поездки 1876*] Поездки Г. Беккера по Южному Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис: изд-во Главного управления наместника кавказского, 1876. С. 33–40.
- Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Росинформагротех, 2007.
- Сегеди А.* Дагестанский государственный национальный кумыкский театр. Буйнакск, 1934. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф. 2. Оп.1. Д. 120. Л. 19.
- Семенов И.Г.* Очерк истории и географии расселения горских евреев // Соснунов Г. Еврейские памятники Восточного Кавказа / Пре-

- дисловие Ю.И. Мурзаханова и И.Г. Семенова. Махачкала: ИД ЭПОХА, 2007. С. 198–215.
- Семенов И.Г.* Горские евреи. Некоторые аспекты этнической идентификации (конец XIX — начало XXI века) // Центральная Азия и Кавказ: Журнал социально-политических исследований. 2003. № 3 (27). С. 191–200.
- Сулейманов Н.Д.* Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала: ДНЦ РАН, 1993.
- Тахо-Годи А.* Проблема языка в Дагестане // Революция и национальности. 1930. № 2. С. 68–75.
- Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев. М.: Наука, 1988.
- Услар П.К.* Чеченский язык. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Тифлис: издание управления Кавказского учебного округа, 1888.
- Услар П.К.* Этнография Кавказа. Ч. 3. Аварский язык. Тифлис: издание управления Кавказского учебного округа, 1889.
- Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис: издание управления Кавказского учебного округа, 1890.
- Холмогоров А.И.* Национальные отношения в социалистическом обществе: Проблемы научного управления. Киев: Политиздат Украины, 1982.
- Черный И.Я.* Горские евреи // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Ч. 1. Тифлис: Издание Кавказского горского управления, 1870. С. 1–44.
- Членов М.А.* Между Сциллой деиудизации и Харибдой сионизма: горские евреи в XX веке // Диаспоры. 2000. № 3. С. 174–197.
- Шиллинг Е.* Агулы // Панек Л.Б., Шиллинг Е.М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. С.52–54.
- Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв.: Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1975.
- Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984.
- Chen V.* From the Caucasus to Israel: The Immigration of the Mountain Jews. An Anthropological Perspective on the Communities in the Caucasus and Issues in Their Integration into Israel. Jerusalem: JDC-Brookdale Institute, 1999.
- Kemper M.* Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2005.
- Lewis E.G.* Multilingualism in the Soviet Union. The Hague; Paris: Mouton and Co., 1972.